

Министерство образования и науки Российской Федерации
Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А.

**КАЛЕЙДОСКОП ВРЕМЕНИ:
УСКОРЕНИЕ, ИНВЕРСИЯ,
НЕЛИНЕЙНОСТЬ, МНОГООБРАЗИЕ**

Сборник статей
по материалам Международной междисциплинарной конференции
«Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия,
нелинейность, многообразие»

Саратов, 25-26 сентября 2015, СГТУ имени Гагарина Ю.А.

Электронное издание комбинированного распространения

Саратов 2016

УДК 304.2
ББК 87.21+115
К 17

Анализ образа мира через призму темпорологии выдвигает на авансцену научной рефлексии междисциплинарно организованную методологию анализа постсовременной реальности в дискурсе инклюзии и сплочённости. Научная методология формирует темпоральные стратегии научного исследования, участвуя в социальном конструировании человека. Культуру времени связывают с пониманием жизненной ценности, разумного использования, заботой о сбережении, устремлённостью в будущее, семантическое содержание категории социального времени обусловлено социальным режимом, ускорением социальных процессов.

Предлагаемый читателю сборник содержит материалы международной и междисциплинарной конференции *Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие*, которая проходила в СГТУ имени Гагарина Ю.А. осенью 2015 г.

Научный редактор:

заслуженный деятель науки России,
Почётный работник СГТУ имени Гагарина Ю.А.,
Почётный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации
В.Н. Ярская

Редакционная коллегия:

доктор социологических наук ***Д.В. Зайцев***,
доктор социологических наук ***Н.И. Ловцова***,
доктор социологических наук ***Э.К. Наберушкина***

Одобрено
редакционно-издательским советом
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А

Системные требования: Windows 98, 2000, XP, Vista, CD-ROM, Acrobat Reader, клавиатура, мышь.

Редактор К.А. Кулагина
Компьютерная вёрстка Ю.Л. Жупиловой

ЗАБОТА О ЛЮДЯХ С МЕНТАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ В ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОМ ИНТЕРНАТЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ Сиротина Т.В., Хакимова М.П.	129
ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ГЕНЕРАЦИЙ Шахматова Н.В.	138
ВРЕМЯ КАК СПОСОБ ИЗМЕРЕНИЯ ПОКОЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУР Шедловская М.А.	143
МИР ВРЕМЕНИ ИСТОРИИ В ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ XX СТОЛЕТИЯ: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ В ВОЕННЫХ УСЛОВИЯХ 1941-1945 гг. СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ Щеглова Т.К.	148
РАЗДЕЛ 3. ВРЕМЯ СОЦИУМА – СОЦИАЛЬНЫЙ ТЕМПОРАЛИЗМ	159
ВРЕМЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Амбарова П.А., Зборовский Г.Е.	159
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ Андрянова Е.А., Чернышкова Е.В.	168
РАВЕНСТВО ПРАВ ГОРОЖАН НА СОЦИАЛЬНУЮ МОБИЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ГОРОДСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ Бычков А.В.	172
НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОСТИ Зайцев Д.В.	181
СОБЫТИЕ КАК ТЕМПОРАЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ Ивченков С.Г.	183
ВОЗРАСТНЫЕ МАРКЕРЫ В МЕТОДИКЕ КЛАССИЧЕСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ Ивченкова М.С.	187
СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ В ДОСУГОВЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ Калайджян А.А.	193
ПАРАДОКСЫ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ И ВРЕМЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ Константинова Л.В.	200
СОВРЕМЕННАЯ ИНКЛЮЗИВНАЯ КУЛЬТУРА: ОПЫТ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ Корогодова Н.П.	205
ИНВЕРСИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ Малинин П.В., Красильников П.А.	212
БЮДЖЕТ ВРЕМЕНИ В ИССЛЕДОВАНИИ ОБРАЗА ЖИЗНИ МОЛОДЁЖИ Малькина М.Е.	215
СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ Наберушкина Э.К., Узакова С.А.	221
ВРЕМЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И КРИМИНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ Романова Н.М.	226
ОБРАЗОВАНИЕ И ВРЕМЯ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ Ручин В.А.	233

12. Мельникова Н.М. Поколение как социологическая категория // *Философские науки*. 1974. № 3.
13. Миловидов А.С. Годы жизни и годы труда. М., 1983.
14. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / пер. с фр. М., 1996.
15. Наумова Н.Ф. Время человека // *Социологический журнал*. 1997. № 3.
16. Орлов Г.П. Свободное время как социологическая категория. Свердловск, 1973.
17. Патрушев В.Д. Изменения в использовании свободного времени городского населения за двадцать лет (1965-1986) // *Социологические исследования*. 1991. № 3.
18. Петров Г.И. Социальное конструирование антропологического времени: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 1998.
19. Пименова В.П. Свободное время в социалистическом обществе. М., 1974.
20. Попова И.М. Представления о настоящем, прошедшем и будущем как переживание социального времени // *Социологические исследования*. 1999. № 10.
21. Сергеев С.Н. Аппаратурная методика исследования параметров восприятия времени и формирования «чувства времени» // *Вопросы психологии*. 1990. № 6.
22. Серов Н.К. Конструктивное понимание времени и процессная (диахроническая) трактовка социальных явлений: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Л., 1990. С. 3-4.
23. Удалова И.В., Гражданникова Е.Д. Измерение социальной мобильности. Новосибирск, 1988.
24. Устьянцев В.Б. Время в структуре социального предвидения // *Мировоззренческие вопросы предвидения и времени*. Саратов, 1986.
25. Чернов И.В. Бюджет времени и организация труда. Ростов-н/Д., 1981.
26. Шегута М.А. Вариативность модальностей социального времени и футурологические концепции в истории философии. Харьков, 1993.
27. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М., 1996.
28. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.
29. Ярошенко Т.М. Возраст в социологических исследованиях // *Социологические исследования*. 1977. № 1.
30. Ярская В.Н. Время в системе культуры: (Филос. анализ) // *Философские проблемы культуры*. Саратов, 1985.

МИР ВРЕМЕНИ ИСТОРИИ В ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ XX СТОЛЕТИЯ: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ В ВОЕННЫХ УСЛОВИЯХ 1941-1945 ГГ. СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ¹

Щеглова Т.К.

Аннотация. Рассматривается категория «время» в коллективной и индивидуальной памяти сельского населения Сибири. Источниками служат материалы интервью (устная история) и записанные воспоминания. Носителями памяти является сельское население 1910-1930-х годов рождения. Интерпретация проводится на материалах жизненных стратегий представителей разных групп сельского тылового населения Сибири

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: Проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

в военных условиях. Их представления о времени войны, времени травмы и времени мира обусловлены жизненным опытом. Вскрываются несовпадения в научных исторических реконструкциях и обыденном временном измерении исторического прошлого.

Ключевые слова: Великая отечественная война, время войны, время травмы, историческая память, устные источники, жизненные стратегии, социальная стратификация времени

Одной из задач исторической науки является адекватное отражение прошлого. Стремление к объективным историческим реконструкциям сталкивается с постоянной неудовлетворенностью их качеством. Регулярно вспыхивающие дискуссии вращаются вокруг объективности и достоверности источников, с которыми исследователи связывают и убедительность исторических текстов. Одним из последствий этих дискуссий стало формирование антитез. Одна из них как раз лежит в плоскости «историческое время» и «время истории». В определенной степени эту антитезу можно дислоцировать как «научные представления» и «обыденные представления», т.к. «время истории» в научных интерпретациях и в обыденных интерпретациях не совпадают. А, вместе с тем, именно научные интерпретации обладают монополией на массовое распространение и утверждение как общепринятых на уровне идеологии и политики государства и далее в образовательном пространстве, культурно-просветительной работе, информационной среде.

Универсализация общепринятых представлений об «историческом прошлом» вступает в противоречие с «исторической памятью», что приводит к формированию еще одной антитезы «исторические реконструкции» и «историческая память». Особенно это заметно историкам, работающим в русле локальной истории или микроистории. Это противоречие обостряется при региональном подходе, т.к. историческое время на разных территориях России обуславливали конкретная этнокультурная ситуация, социально-экономическое развитие, природно-климатическая среда. И «время истории» в исторической памяти населения этих регионов сильно отличалось. В качестве примера можно привести разные представления о «времени истории» у жителей Сибири и Центральной России в таких исторических процессах как революция и гражданская война, развитие НЭПа и единоличного хозяйствования, коллективизации и раскулачивания¹.

В этом отношении можно говорить, что в академической исторической среде сформировалась антитеза «письменный источник» и «устный источник». В модернистской практике в поисках фактов и доказательств был сформирован культ архивных письменных источников и недоверие, доходящее до отрицания, устных источников. Базой письменных источников

¹ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке: Устная история. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. С. 175; 76-163; 164-298.

служит преимущественно государственная практика и государственная работа по формированию архивохранилищ. Базой устных источников служит индивидуальная и коллективная историческая память. В современной академической историографии существует антитеза «кабинетного историка» и «историка с диктофоном». В новых направлениях отечественной истории – истории повседневности, истории ментальности, гендерной истории и т.д. устные источники заняли прочные позиции. В этом противостоянии есть один только путь примирения – это признание наличия информации в тех и других источниках и умение работать с нею. Приближение же к объективности, как усредненному или унифицированному представлению достигается внутренней и внешней критикой того и другого источника.

Работа с ними показывает, что нет единого представления об историческом времени, в таком случае его оценка является однополярной. Есть разные истории об историческом времени. Поэтому время истории одновременно и линейно, и нелинейно. Оно многообразно.

Рассмотрим это на примере времени войны и времени травмы в тыловой деревни Сибири в 1941-45 годах. Основными источниками являются материалы устной истории. Автор профессионально занимается устной истории (oral history) как новым направлением исторических исследований, оформившегося в зарубежной практике в 1940-1950-е гг., официально заявившимся в России на рубеже 1980-1990-х гг. За эти годы автором проведено более 30 экспедиций в селах Алтайского края, обследовано более 30 сельских районов, 600 сельских населенных пунктов. В ходе этих исследований записано и оформлено свыше 3 тысяч интервью и сформирован архив устных исторических источников. Разработаны вопросники, издано учебное пособие по работе с устной информацией¹ подготовлена монография с интерпретацией устных источников, издан сборник устных исторических источников и т.д. В Лаборатории исторического краеведения кафедры отечественной истории создан Центр устной истории и этнографии, научно-практические программы которого, основаны на изучении коллективной и индивидуальной памяти населения Сибири. Его методика широко используется и в научной работе студентов и в массовой научно-исследовательской работе образовательных, архивных и музейных учреждений Сибири, в которых создаются коллекции материалов устной истории.

Новационный характер обсуждаемых на конференции тем позволяет автору предлагать и свои формулировки, понятия и термины. Они рождались в междисциплинарном взаимодействии. Решение поставленной проблемы может быть найдено только на стыке разных наук, научных дисциплин и научных направлений социально-гуманитарных и политико-экономических исследований. В авторском исследовательском арсенале

¹ Щеглова Т.К. Устная история: учеб. пособие для студентов вузов. Барнаул: АлтГПА, 2011.

аккумулированы, адаптированы и используются подходы и методы устной истории в сочетании с качественной социологией, этнологией, историей повседневности, гендерной историей, историей ментальностей, экономической и политической историей и другими.

В поисках исторической информации или источникового материала автором было введено понятие «информационная среда сельских населенных пунктов», которая изучается с помощью методов этнографии, а историческая память об историческом прошлом, как часть этой информационной среды, изучается с помощью методов устной истории, которые представляют собой разные виды опроса – беседы и интервью. Формат устно-исторических исследований предполагает большую профессиональную работу историка по научно-методической подготовке и сопровождению опроса, технической фиксации опроса, транскрибированию, документированию и архивированию полученной информации. Это отличает устную историю как новую самостоятельную дисциплину от других научных дисциплин, основанных на опросах – этнографии, этнологии, антропологии, краеведения, социологии и других. Изначально устная история ориентирована на получение всей палитры «мира времени истории», в ее социальном измерении, основанной на социальной стратификации времени – «истории снизу вверх» (демократическое направление устной истории) и истории верхних эшелонов общества (элитарное направление устной истории).

В нашем случае социальное измерение исторического времени в рассматриваемый период представлено разными слоями сельского общества. Их можно стратифицировать по социально-экономическому критерию потомственными крестьянами-единоличниками, колхозным крестьянством, интеллигенцией, советской администрацией и другими, для которых время истории в 1941-45 годы было временам войны. По политико-правовым критериям выделяются репрессированные, раскулаченные и другие категории «врагов народа», включая судимых по законам военного времени за колоски, зерно, падеж телят, уклонение от труда в общественном производстве и т.п.; наконец, представители депортированных в Сибирь народов. Для них это же время было и временем травмы.

Это показывает, что коллективная и индивидуальная историческая память об истории Великой отечественной войны является многослойных источников и до сих пор востребована в научных исследованиях односторонне – со слов ветеранов – участников боевых действий. Остальное «немотствующее большинство» (мирное население оккупированных территорий и тыловое население) еще не опрошено должным образом. Без их оценок адекватно оценить эту эпоху невозможно. В определенной степени это связано с тем, что до сих пор в исторической науке не созданы бесспорные и общепринятые технологии работы с исторической памятью. Опыт работы показывает, что время истории в индивидуальной памяти имеет вертикальную и горизонтальную структуру. Историческая вертикаль

отображения времени характерна для всех респондентов. Как правило, во всех материалах интервью респонденты хорошо ориентируются во времени и обозначают историческое время историческими стереотипами и штампами «при колхозах», «в переверот», «при Сталине». Вертикаль времени у сельского населения Сибири в советское историческое прошлое имеет свои горизонты памяти, которые укладываются в десятилетия: 1920-е годы – единоличное хозяйствование, 1930-е г. – коллективизация и раскрестьянивание (раскулачивание, разказачивание, разрушение церкви), 1940-е годы – война и послевоенная разруха.

Горизонталь исторической памяти 1940-х годов респондентов имеет свои отличия от других горизонтов: с одной стороны, она вызывает одинаковые эмоции, обусловленные временем войны, патриотизмом, общим стремлением к победе, с другой стороны, репрессивные меры государства в условиях войны усложнили представления о времени войны представлениями о «насилии» и «травме». Эта противоречивая гамма чувств лежит в основе сложного представления о времени войны. Контент-анализ устных источников показывает, что к общим оценкам «времени войны» относятся характеристики «голодно», «холодно», «трудно», но «дружно» и «весело». Проявление «времени травм» отражается в частных случаях конкретных жизненных историй. Рассмотрим эти представления сначала в устных исторических источниках (материалах интервью) «детей войны», затем респондентов трудоспособного возраста¹.

Возьмем для примера несколько отрывков: один принадлежит мальчику из семьи коренных сибиряков, лишившегося родителей из-за войны (В.Н. Дуничкин, 1937 г.р., с. Гуселетово, Романовский район), другой – девочке из семьи депортированных немцев (Ярошенко (Гринь) Наталья Ивановна, 1935 г.р. с. Дубровино, Романовский р-н), третий – мальчику из семьи коренных сибиряков, репрессированных в годы войны (Савченко Анатолий Фёдорович, 1936 г.р. с. Сидоровка, Романовский район). Для всех этих детей «время войны» проявилось в том, что «благодаря» ему они остались без «отцов», и фактически без матерей, т.к. в одних случаях мамы умерли в военное лихолетье, в других случаях, были репрессированы и в третьих, самых распространенных случаях, «мобилизованы» на общественное колхозное производство «денно и ночью». Но в двух из этих от-

¹ В авторской методике интерпретации устных исторических источников все респонденты разделены по половозрастным характеристикам на группы. «Дети войны» и пожилое нетрудоспособное поколение «бабушек» и «дедушек». Они близки по своим культурным характеристикам, т.к. последние являлись представителями потомственного единоличного крестьянства, первые, оставшись в годы войны на их попечении, росли в годы войны благодаря мобилизации традиционной культуры, которая стала своего рода подстраховкой в условиях permanently нищего колхозного производства и отсутствия государственной поддержки деревни. Другие группы были представлены трудоспособным населением, в основном женщинами и подростками. На их представления большое влияние оказала социалистическая модернизация сознания и советская идеология.

рывков война одновременно предстает и «временем травмы» (из семьи депортированных и семьи репрессированных):

«Я, Дуничкин Валерий Николаевич, бывший детдомовец Казанцевского детского дома, основанного в начале 1944 г. Привез меня дедушка на тележке и сдал, мне было в то время 7 лет. Мать умерла, а отец погиб на фронте (я их не помню)... На второй день поступила девочка из п. Майский – Перепелица Наташа... Началось заселение, поступали ребята из Ленинграда, Белоруссии и Романовского района... Конечно, без баловства не обходилось, но жили дружно и весело. Сами все делали, на кухне дежурили, сажали картошку, заготавливали дрова, строили. Вот так и выжили...»¹ [Дуничкин В.Н., 1937 г.р., с. Гуселетово].

«Осенью маму, ее младшую сестру и меня погрузили в вагон и куда-то повезли. Так мы и попали в Дубровино. Приютили нас старики по фамилии Дейнеко, они жили в избушке на самом краю села. Вещей у нас не было, продуктов тоже, была поздняя осень, и мы втроем ходили по огородам, собирали картошку, которую случайно не заметили хозяева... В начале зимы маму и ее сестру забрали в трудармию. Я до сих пор помню, как их посадили в сани и повезли, а я бежала следом, кричала и плакала, бежала почти через полдеревни, а дальше уже не смогла. Было мне всего 6 лет, родни среди приехавших немцев у нас не было, сами они ютились, где придется. По-русски я разговаривала и понимала плохо... У кого была жалость, тот пустит меня переночевать, накормит. В конце концов, подобрала меня женщина, Прасковья Ющенко, она работала дояркой, а у нее был сын Ванька, малоразвитый, вот и взяли меня за этим Ванькой доглядывать. Как-то я вышла во двор, вернулась, а его нет. Зову его, плачу, а он вылез из печки, весь в саже, из чугуна в печи руками ел. Господи... В избушке холодно, окна, замершие до того, что иней не таял никогда. Я возьму ложку, соскребу иней, оттаю дырочку, выглядываю в нее на улицу и плачу, плачу... Через три года зимой моя мама вернулась, опухшая, в деревянных ботинках... Решила мать идти побираться, походила день. А что давали? Кто картошки, кто гороху горстку. Не от жадности, самим людям есть нечего было. Но, наверное, выслушала она много плохих слов, потому что пришла и сказала: «Умирать буду, а побираться больше не пойду» [Ярошенко (Гринь) Наталья Ивановна, 1935 г.р., с. Дубровино].

«Первое время отца не брали на фронт – наложили бронь. А в 1942 году забрали. Тогда мы с мамой перебрались в родную Сидоровку. И хлебнули лиха сполна. Своего угла не было. Мне 6 лет, брату 3. Бедная мать мыкалась, не зная, как свести концы с концами и прокормить нас... Голод и крайняя нужда толкнули ее пойти с другими женщинами, краду-

¹ Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Рукопись. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.

чись, помести в хлебной риге зернышки, переточенные крысами и хорьками. Намела вместе с землей килограмма 3-4 зерна, и на горе попалась проверяющим. Ни слезы, ни мольба о голодных детях не тронули начальство. Мать осудили и дали несколько лет тюрьмы. К этому времени у брата заболели легкие, он совсем ослаб и маму отпустили на неделю к нам. На ее руках братик и умер. Похоронив его, она отправилась отбывать наказание. А я в 6 лет остался один – одинешенек. Ходил – побирался, питался тем, что подадут, ночевал у чужих людей. Не я ел пищу, а вши ели меня. Горе, одним словом... Ужасно тяжелое детство – других слов не подберешь»¹. [Савченко Анатолий Фёдорович. 1936 г. с. Сидоровка].

Таким образом, для «времени войны» в исторической памяти сельского населения тыловой деревни для «детей войны» характерны слова «трудно» «тяжело», «голодно», «холодно». Хотя респонденты осознавали, что где-то, на других территориях России, было труднее: «Военные годы трудными были для всех. Нам повезло, что мы не слышали взрывов снарядов, но голод мы познали сполна»² [Харченко (Путина) Дарья Григорьевна. 1911 г.р. с. Гилев Лог].

Что же, в таком случае «дети войны» вкладывали в понятие «дружно» и «весело»? «Жили мы дружно. У нас не было противоречий между детьми, мы никогда не конфликтовали между собой, старшие всегда заботились о младших. Этому научила нас мама. Она с рассветом уезжала в поле с подругами на работу, а возвращалась с наступлением темноты. Мы, дети, дружно ожидали её. О возвращении мамы с работы мы узнавали по песням, которые пели женщины, по дороге домой. Мама обнимала нас всех, целовала... укладывала спать. Мы видели, что мама часто плакала, и нам было её очень жаль»³. [Харченко (Путина) Дарья Григорьевна. 1911 г.р. с. Гилев – Лог]. В отрывке синонимом «дружно» стали слова «мы», «нас», «нам», т.е. сплочение перед «временем войны». А весело – о песнях «времени войны». Поэтому их представления отличаются от представлений других категорий населения.

Контент анализ показывает, что эти слова «дружно», «весело» более часто употребляли респонденты трудоспособного возраста. «И не до гуляний тогда было. Ведь всех коснулись похоронки... Сколько слез было пролито! Но люди поддерживали. И жили тогда не в пример сегодняшнему времени, дружно, сплоченно. Каждый сочувствовал и старался помочь. В бога верили, но больше всего верили в нашу армию, в Победу. И сами трудились, трудились, сил не жалея»⁴. [Кальней Анна Максимовна, 1918 г.р.]

¹ Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Рукопись. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

с. Романово]. «Жили голодно, трудно, но дружно, старались помогать друг другу»¹. [Дуракова (Овечкина) Софья Григорьевна. 1921 г.р. с. Романово]. «Не до гуляний тогда было. У людей вокруг – горе, похоронки... Едим на пашню с женщинами, переплачем, и тут же поем, потом – опять плачем. Хорошо, люди тогда дружно жили... А бог в душе был. Хоть и запрещали, а верили все же. Как же без этого? Праздники в колхозе отмечали, особенно 7 ноября. Собрания собирали, премировали. Мне однажды поросеночка дали за хорошую работу. Так и жили. Мешали слезы с потом, но крепились, держались, верили в победу, трудились, трудились, трудились.»² [Шандыба Александра Ивановна. 1921 г.р. с. Романово].

В этих очень похожих отрывках работающих в войну женщин совпали слова «дружно», «помочь». А в детских воспоминаниями слово «дружно» сочеталось со словами – «заботились», «помогали», «поддерживали». В общей картине исторической памяти о «времени войны» наибольшей частотой в описании эмпирического жизненного опыта отличаются слова «трудно» «дружно», «весело», «трудится», «плакать», «петь», «слезы», «похоронки», «горе», «помогать», «сплоченно». Эти характеристики «времени войны» являются фоном для каждого материала-интервью или воспоминания. «Я продолжала работать все там же, на ферме. Тяжело было, делали все вручную. Работали с утра до ночи. Выходных не знали... А жили тогда дружно. Помогали люди друг другу всегда... Хоть жизнь в годы войны была трудной и горькой, а радоваться хотелось! Иногда лепили на всю бригаду пельменей – и праздновали люди, веселились. Хотелось жить, забывая обо всем тяжелом. И помогала в этом вера в Победу, надежда на лучшее. И бог был в душе. Хотя тогда и запрещалась религия. Ну а молодежь, что ж, трудно ни трудно, а повеселиться хотелось. У двора чьего-нибудь собирались с девчатами и плясали, пели... Тяжело было, да. У всех людей горе – похоронки... Ну а дальше после войны, после победы... уже не было постоянного страха за родных, хотя жить стало не так уж легко»³ [Пересадько (Прищепа) Мария Андреевна. 1924 г.р. с. Романово].

«Время войны» рассматривается как единый период с всплесками радости в связи с чем-то обыденным. Запомнившимся радостным событием в монотонной заполненной трудом «денно» и «ночно» в устных исторических источниках чаще фигурирует праздник. Гора – это похоронки с фронта; даже смерть матери или одного из детей не нарушали монотонности времени войны как единого целого. Примером первого события радости, нарушавшего монотонность «времени войны» служит следующая цитата: «Работали по 20 часов в сутки... Сменщиков не было. Трактор без свето-

¹ Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Рукопись. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.

² Там же.

³ Там же.

вых приборов, поэтому, когда работали ночью, перед трактором кто-нибудь, обычно, подросток, шёл с фонарём. С ранней весны и до глубокой осени жили в бригаде. Питались, в основном, овсяной кашей: овёс размалывали на ветряной мельнице, а потом из такой муки делали галушки. Иногда по 1-2 галушки удавалось передать дочери в подарок... Чтобы выжить, приходилось во время посевной воровать семена. Бывало, украдкой возьмёшь горсть – другую, потом поджаришь на железке над костром и съешь, чтобы никто не увидел. Летом заготавливали сено. Чтобы заскирдовать, женщины носили на палках небольшие копны и подавали наверх. Убирали зерно лобогрейками, а чуть позже – комбайном С-1, копнителю деревянные, поэтому зерно выгружали вручную, заполняя мешки, и, укладывая их в бричку. Женщинам помогали мальчишки – подростки. Было тяжело, особенно, детям, а помочь нельзя, так как женщинам надо успевать менять мешки и укладывать на брички. С большим нетерпением все ждали ноябрьский праздник – годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В этот день в колхозе давали бесплатный обед: суп и карастики, и наливали брагу»¹ [Сидорова (Синяговская) Домна Васильевна. 1918 г.р. с. Закладное].

«Время травм» чаще выявляется в индивидуальной исторической памяти, базирующейся на конкретной жизненной ситуации репрессированных и депортированных сельчан.

В адаптации к военным повседневным практикам формировались жизненные стратегии. В повседневной практике «время войны» и «время травм» существовало рядом. Поэтому условия жизни сибирского тылового населения автор и предлагает назвать трудными, а вот для репрессированных или депортированных они являлись «экстремальными» или «чрезвычайными». Но тех и других объединяло «время тревоги»: «Когда объявили о начале войны, все были в ужасе. Женщины и дети провожали своих близких: отцов, мужей, сыновей и братьев... Рабочих, сильных рук очень не хватало, все работы легли на плечи женщин, стариков и детей. А нас шестнадцатилетних девушек отправили на курсы трактористов... Только вернулась, сразу в поле. Трудились до полуночи. Очень уматывались. Целые сутки сидели в пыли и зное, а мысли были там далеко, на поле боя, и думали всё об одном, поскорей бы конец войне... Соседи жили дружно. К примеру, нет у меня муки, а у соседки молока, менялись, и всё всех устраивало. Поддерживали друг друга в трудную минуту. Особенно тяжело было видеть, когда получали женщины похоронки. Страдали, мучались, но рук не опускали, только потуже пояски затягивали и тянули всё на себе из последних сил. Все стали друг другу родными. После объявления о победе,

¹ Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Рукопись. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.

на сердце у всех стало легче, но жизнь еще долгое время оставалась тяжелой»¹ [Камчатова (Кудрявская) Мария Никитична 1920 г.р. с. Гилёв-Лог].

Общее представление о трудных условиях войны содержится в следующих интерпретации «времени войны» «Часто возвращалась с работы среди ночи, уставала, – уже никуда не хотелось идти ... Но песни пели. Праздники отмечали, особенно 7 ноября. И ждали Победу! Ждали! Так вот и прошла война, вся в постоянной работе. Выдержать все тяготы военного времени помогали люди, которые были рядом. Все тогда были дружные, сплочённые. Поэтому войну и победили!»² [Олифиренко (Грищенко) Александра Сергеевна. 1923 г.р. с. Романово].

Для основной массы тылового населения Сибири, и коренных сибиряков и насильственно переселенных «время войны» маркируется в обыденных вещах – не патриотизме, не героизме, а тяжелом трудовом времени в борьбе за победу. И истоки оптимизма кроются не в политике государства, а во взаимоотношениях людей через песни, слезы, горе, дружбу. Отсюда кажутся парадоксальными многие интерпретации «времени войны», особенно в развернутых характеристиках, которые дают подростки и женщины-колхозницы «Как ни тяжело жили, но люди всегда поддерживали друг друга. Дружно жили. Это была настоящая дружба, скрепленная общей бедой. Кладовщик Якименко Василий, рискуя, отрезал некоторым женщинам ломоть хлеба для детей. Бригадир Пустовойтова так же бедствовала с большой семьей, и «не замечала», когда колхозницы прятали горсть зерна на груди или под подолом. У кого доилась зимой корова, делились с теми, у кого корова была в запуске. В бане у Яценко Оксюты мылась почти вся улица. Деды Диденко, Коваль, Боронос помогали что-то подремонтировать, подшить валенки и по другим мужским работам»³ [Агафонова (Будко) Валентина Петровна. 1933 г.р. с. Закладное]. Эта же цитата из интерпретации жизненного опыта показывает как время войны переплетается с временем травмы (прятали горсть зерна на груди и под подолом).

Таким образом, историческое время Великой Отечественной войны и время войны несколько по-другому акцентирует внимание на историческом прошлом. Устные исторические источники более ярко и многофакторно подчёркивают подвиг и причины и факторы победы советского народа в годы войны. По форме они более убедительны и на эмоциях адекватно отражают, реконструируют историческое прошлое. По силе воздействия их можно сравнить с художественными произведениями, но первые основаны на жизненных историях, вторые выдуманы. В источниковом плане материалы интервью (устная история) и документы личного проис-

¹ Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Рукопись. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.

² Там же.

³ Там же.

хождения (воспоминания) демонстрируют большие возможности изучения советского общества, его менталитета, ценностей как составных частей жизненной стратегии и культуры жизнеобеспечения в трудных и экстремальных условиях жизни сельского населения тыловой деревни Сибири.

Список литературы

1. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Рукопись. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.

2. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке: Устная история. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. 527 с.

3. Щеглова Т.К. Устная история: учеб. пособие для студентов вузов. Барнаул: АлтГПА, 2011. 363 с.